

Великие русские...

Игорь Косаркин

Родился 11 сентября 1977 года в г. Краснотурьинске Свердловской области. В 2011 году закончил юридический факультет НОУВПО «Гуманитарный университет» по специальности «Юриспруденция». Работает ведущим специалистом Отдела жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, энергетики и связи администрации городского округа Карпинск. Женат. Четверо детей.

— Ну, что там? — Нетерпеливый мужской голос.
 — Он там? Что Он делает? — Теперь взволнованный женский голос. — Боже, это невыносимо! Я, кажется, схожу с ума!

— Твою мать, не томи ты! Скажи хоть что-нибудь! — Опять нетерпеливый мужской голос.

— Да, да, да... — многоголосица, в которую слились мужские и женские голоса, молодые и не очень.

Бузеев стоял, низко наклонившись вперед, у массивной двухстворчатой двери, и заглядывал в старомодную замочную скважину. Позади него собралась внушительная толпа, заполнившая собой фойе Дома литераторов. Находившиеся в толпе люди считали своим долгом подойти как можно ближе к двери, отчего Бузеев оказался плотно зажатым со всех сторон. Дверная ручка уперлась ему в лоб. Парочка каких-то нахальных типов пыталась заглянуть в замочную скважину вместе с ним, буквально повиснув у него на плечах. Кто-то тяжелый навалился Бузееву на спину, отчего в протесте заняла поясница. Тревожное однонаправленное дыхание десятков человек обволакивало его невидимым коконом, превратившись в смесь, состоящую из запахов зубной пасты, освежителей для рта, фруктовых леденцов, табака и вчерашнего перегара.

Люди откровенно нервничали, но при этом никто не проявлял агрессии. Бузееву они почему-то казались невероятно интеллигентной толпой футбольных фанатов. В руках каждого из присутствующих были книги. Разные книги. Толстые фолианты в кожаных переплетках. Книжечки небольшого бульварного формата с мягкими обложками. Книги, вызывающе блестящие гляncем красочных суперобложек. И просто книги — с обычным тиснением, невзрачные на вид, но очень дорогие сердцам их хозяев, бережно прижимавших их к себе. Люди, а возможно

и книги, изнывали в ожидании момента, когда им будет позволено приблизиться к тому, кто сейчас находился за дверью.

— Ты слышишь? — спросил все тот же нетерпеливый мужской голос. — Скажи, чем Он сейчас занимается?

— Скажи, скажи, скажи... — подхватила нервничающая толпа и подалась вперед. Бузеев едва не взвыл от боли, когда холодная сталь дверной ручки чуть не проломилась ему череп.

— Тише вы, раздавите! — полуобернувшись, резко возмутился Бузеев. Напор толпы немного ослаб, и он вновь стал смотреть в замочную скважину. Узкий лучик яркого белого света, проникший наружу сквозь отверстие для ключа, искрой отразился в зрачке глаза замершего у двери Бузеева.

По другую сторону двери находилось довольно просторное помещение малого конференц-зала, уставленное рядами кресел с бордовой велюровой обивкой. Чуть далее высилась сцена с лакированной деревянной кафедрой и черным экраном интерактивной доски, занимавшей половину задней стены. По проходу, вдоль пустующих кресел, неторопливой походкой прогуливался, поигрывая рацией, охранник в серо-зеленой форме. Второй охранник стоял у сцены, прислонившись спиной к ее краю, и с кем-то непринужденно беседовал по мобильному телефону. Такая вопиющая бестактность, проявленная охраной в Его присутствии, до глубины души возмутила Бузеева. Как они могли себе это позволить?! Вести себя так нахально расслабленно и непочтительно, когда рядом Он?! Бузеев в мыслях смачно выругался.

В правом углу сцены стоял длинный письменный стол, на котором высокими башнями громоздились стопки новеньких книг. За столом сидел Он, ставший причиной присутствия в фойе множества вол-

нующихся и жаждущих встречи с Ним людей. Бузеев, как ни старался, из-за высоты сцены и ограниченного угла обзора не смог увидеть Его лица. Зато он видел Его руки с белоснежными манжетами рукавов сорочки, порхающие, словно неведомые птицы, над столешницей. Руки на мгновение исчезали из поля зрения, когда Он поворачивался, чтобы взять книгу с одной стопки, и затем возвращались к столешнице уже с добычей. В пальцах Его правой руки была зажата шариковая ручка. Он коротким небрежным движением открывал первую страницу обложки книги и размашисто расписывался на отвороте, а затем отправлял книгу в другую стопку на противоположной стороне стола. Бузеев завороченно следил за этим действием, в восторге затаив дыхание. Он подумал, что мог бы простоять здесь вечность, проводя время за созерцанием совершаемого магического ритуала, свидетелем которого ему доводилось становиться не чаще одного раза в три года.

— Ну?! — раздался за спиной Бузеева резкий окрик. Голос незнакомый — похоже, еще у одного почитателя лопнуло терпение.

— Он в зале — подписывает книги, — прокомментировал происходящее Бузеев.

— Опять готовые типографские экземпляры со стандартной штамповкой, — сокрушенно произнес кто-то. — А что, если Он не захочет расписываться в наших книгах? Не захочет тратить время на собственноручные пожелания?

Бузеев понимал опасения говорившего, он и сам по этому поводу сильно переживал. Боялся, что получит только экземпляр книги с Его напутствием поклоннику, отпечатанным в типографии. Конечно, такой подарок был тоже хорош, но в нем не было главного — волшебства. Никто и не помнил, когда возник миф о чудодейственной силе Его автографов, на-

писанных собственноручно, но они стали объектами вождения для тысяч людей. Причем автограф должен был содержать любое, пусть самое незначительное пожелание. Считалось, книга с таким автографом гарантирует ее обладателю успех во всех начинаниях и удачу в жизни. Сколько человек оказалось реально очастливленными, никто не знал. По крайней мере, если кто-то из присутствующих и получил ранее свою порцию счастья, ему ее явно не хватило, и он пришел за добавкой.

— Какая разница — отпечатано напутствие в типографии или же Он написал его сам? Подпись-то все равно настоящая, — попытался успокоить окружающих Бузеев, не веря ни единому своему слову.

— Готов с вами поспорить, — возразил кто-то, скрывающийся за спинами людей. — Однажды я так спешил на встречу с Ним, что позабыл дома свой экземпляр и получил книгу со штампованным пожеланием. Три года я пахал как проклятый, но никак не мог добиться успеха. Я почти отчаялся, как вдруг получил приглашение, что, в общем-то, довольно странно. У меня отобрали лицензию. Достигнутые результаты не впечатляют, но... Сейчас появился шанс все исправить. Нужно только, чтобы он пожелал мне что-нибудь и написал это пожелание на развороте книги. Оставил свой счастливый автограф!

Услышав эти слова, Бузеев с тревогой взглянул на свою книгу, на обложке которой небольшой звездный кораблик пытался преодолеть безбрежный океан Вселенной. «Вот она, родимая», — с облегчением подумал он, еще крепче прижав книгу к груди. Уж он обязательно попросит Его написать своими руками, так похожими, если смотреть издали, сквозь замочную скважину, на порхающих птиц, какое-нибудь пожелание. Любое! Только бы оно было. Кни-

гу с шаблонным типографским автографом он подарит своей подруге, а эту обязательно оставит у себя... Навсегда.

— Я боюсь! Мне Он точно ничего не напишет, — раздался в толпе дрожащий девичий голос. Бузеев повернулся и смог рассмотреть его обладательницу. Она стояла неподалеку, у стены, разделяющей фойе и конференц-зал. Девушка была невысокого роста, очень миленькая, одета в довольно элегантный темно-синий брючный костюм. Глаза, что говорится, на мокром месте. В руках, конечно же, дамский роман — на глянцевого обложке роскошная сеньорита в белом воздушном платье самозабвенно опрокидывалась в объятия мускулистого мачо.

— Мне кажется, Он уже сожалеет. Описание любовных историй — не Его жанр, — продолжала жаловаться девушка. Свободной рукой она закрыла лицо и выдохнула в маленькую ладонь: — Мамочки, зачем я сюда пришла?

Люди с сочувствием смотрели на нее.

У Бузеева от жалости защемило сердце. Он даже слегка испугался возникшего чувства. Кажется, раньше он испытывал жалость только к себе — за ушибленное в детстве колено, за не сданный в институте экзамен, за потерянную первую любовь, за все неудачи, в конце концов... Но чтобы вот так, среди толпы незнакомых людей сопереживать постороннему человеку? Нет, никогда! Бузеев пришел в восторг от нахлынувших эмоций.

«Надо же, как занятно, — удивлялся он. — Стоит запомнить это ощущение. Пожалуй, оно может пригодиться».

На какое-то время Бузеев вдруг забыл о себе. Ему искренне захотелось, чтобы у заплаканной девчушки все получилось, чтобы Он не отверг протянутую ему книгу.

«Боже, да о чем это я?! — внутренне возмутился Бузеев. — Он и не способен хладнокровно отвергнуть кого-либо. Ведь это — Он!!!»

Бузеев, было, открыл рот, чтобы громкогласно объявить о своем открытии, но один из тех самых нахальных типов, что болтались у него на плечах, неожиданно опередил его.

— Прекратите нести ересь! — с жаром выдохнул он. — Он не способен отвернуться ни от кого из нас! Разве то, что мы находимся все здесь, не является доказательством Его великодушия, Его безмерного гения?! Дамские романы, бульварные детективы, приключения — ему подвластны все литературные жанры! Он не роется в них, как Другие, считающие себя Серьезными. Но что может быть серьезнее талантливо написанного фельетона? Или краткого, но очень глубокого по содержанию эссе? Или фривольных стихов, от которых заряжаются весельем даже кошки? Я не говорю, что Другие плохи, но, может быть, они чуточку менее гениальны, чем Он. Или я не прав?

Нахальный тип с вызовом уставился на толпу. Выглядел он, однако, скорее комично, чем грозно. Среднего роста, тощий, с заостренным лицом и жиденькой рыжей бородкой — он сам представлял собой гениально созданный ходячий фельетон, при виде которого те самые приснопамятные кошки передохли бы от смеха. Тем не менее, желающих возразить среди собравшихся не нашлось. Похоже, он выразил вслух то, о чем тайно думал каждый. Над толпой пронесся одобрительный гул голосов, переросший в хаотичные реплики. Каждый спешил высказаться. Людей словно прорвало.

— Представляете, в прошлом году Он увлекся пьесой! Совсем как милейший Антон Павлович! Невежливо! — восторгалось где-то вдалеке от Бузеева эффектное женское контральто.

— А киберпанк? Господи, я никогда не думал, что Он ударится в киберпанк! — кричал кто-то.

— Да что там киберпанк! Недавно Он попробовал себя в военно-исторической прозе!

— Пьесы, киберпанк, история... Не забывайте о публицистике, о научно-популярной литературе! Не пойму, как Он все успевает?!

— Если человек гениален — он гениален во всем!!

— Но послушайте, а Другие? Его многожанровость или, если хотите, литературная полигамия, может не понравиться Другим! — нашелся все-таки один сомневающийся.

— Другие могут поцеловать себя в жо... — Еще более одобрительный гул голосов заглушил окончание чьей-то эмоциональной фразы.

— Господа, рекомендации Другим целовать себя в жо... — снова одобрительный гул, проглотивший окончание слова, — в Доме литераторов — это моветон! Будьте сдержанней, друзья!

— Хрен с ним, с моветоном! — воскликнул в самое ухо Бузееву голос, давеча поминавший всуе его матушку. Хозяином голоса оказался полноватый паренек, на вид лет двадцати, с широконосым крестьянским лицом. Заметив, что Бузеев обратил на него внимание, он горячо продолжил:

— За одни только сельские рассказы я готов носить Его на руках всю жизнь. — От паренька вкусно пахло деревенским самогоном и свежим чесноком. Бузееву захотелось немедленно выпить и закусить.

— Сельские рассказы? — переспросил Бузеев, с сожалением подавив вспыхнувшее желание. — Признаться, я не слышал.

— Как же! — изумился паренек. — Это не рассказы, а песни об аромате свежеспаханной земли, щелчка пастушьего кнута, стуке конских копыт, — деревенского почитателя явно потащило в образы. — О зим-

ней охоте и скрипе снега под полозьями саней, о хлебосольных застольях в Рождество и вое волков за окнами деревни в лунные ночи...

Невольно перед внутренним взором Бузеева предстала деревня в зимнюю ночь. Снежные сугробы в лунном свете отливали жидким серебром. Жирной ломаной линией за заметенными снегом полями чернел притихший лес. В избах желтым живым огнем светились окна. Белые извилистые столбы дыма поднимались из печных труб прямо в звездное небо...

Бузеев затряс головой, избавляясь от наваждения.

«Вот ведь, чертяка, — удивленно подумал он. — Умеет же!» Бузеев с уважением посмотрел на книгу в руках паренька — с невзрачной обложкой светло-бежевого цвета. Простой серый оттиск заглавия — «Сельские рассказы». Бузеев неожиданно для себя решил, что когда-нибудь познакомится с этой книгой.

В этот момент лязгнул замок, и одна створка двери начала свое движение внутрь фойе, своим краем толкнув Бузеева в грудь. Толпа отпрянула назад, ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы дверь открылась, а уже через мгновение вновь подалась вперед, бросив в дверной проем, на появившегося охранника, Бузеева и стоящих рядом с ним людей. Охранник, казалось, без особых усилий остановил инерционное движение толпы выставленными вперед ладонями. При этом его лицо выражало не больше эмоций, чем пластиковые панели на стенах конференц-зала. Бузееву же, налетевшему на его руки, показалось, что он столкнулся с асфальтоукладчиком. От удара вышибло весь воздух из легких. Бузеев охнул и широко открыл рот, пытаясь вдохнуть. «Неделя в постели с анальгином», — мрачно констатировал он, стараясь постепенно прийти в чувство. В глазах плясали темные круги, ушибленную грудь изнутри словно охватил пожар. Охранник, оставаясь

безучастным к произошедшему, высоко поднял голову, словно пытался разглядеть людей в задних рядах, и прокричал:

— Не толпиться! Строиться в очередь по одному! Держать интервал в три шага между идущими спереди и сзади! К сцене разрешается подходить только тогда, когда ее покинет впереди идущий! Никому не мешать! Всем ясно?!

Бузеев не мог видеть, но физически ощутил затылком, как люди позади него закивали головами в торопливом согласии.

Охранник посторонился, освобождая вход в конференц-зал. Заметив, что Бузеев замешкался, он ухватил его за плечо и с небольшим нажимом протолкнул вперед, тут же загородив дверной проем, чтобы немного придержать остальных.

— Не задерживайте, пожалуйста, — обронил охранник Бузееву в спину на удивление вежливую фразу.

Бузеев сделал несколько шагов по залу вдоль кресел, прежде чем осознал, что он идет к сцене. Идет к Нему. И в этот раз он идет первым! Бузеев едва не рассмеялся от восторга.

«Я — первый», — еще раз мысленно сформулировал он эту очевидную вещь. Ушибы и ссадины теперь оценивались им как вполне разумная (и даже необходимая) плата за полученное преимущество. Хотя в действительности никакого преимущества не было. Но тем, кто верил в волшебство, любое везение казалось символичным.

«Я иду к Нему первым. И получу Его первый за эти три года автограф», — думал Бузеев, постепенно впадая в экзальтацию. Его тело охватила мелкая нервная дрожь. На лбу проступила испарина. На ватных ногах Бузеев приближался к сцене с кафедрой и письменным столом, на котором вавилонскими башнями

возвышались стопки книг. Он почувствовал себя человеком, неожиданно погруженным в воду с головой. И окружающая действительность вдруг стала восприниматься им так, как будто он смотрел на происходящее из-под воды — с расплывшимися, словно нанесенными акварелью, очертаниями предметов и приглушенными звуками. Бузеев представлял себя водолазом, медленно бредущим по илистому дну. И при этом испытывал прилив необъяснимого веселья.

«Вот он, Гений! И я сейчас иду к Нему, — радовался Бузеев. — Я один из тысячи фэнов, боготворящих Его и жаждущих жизни только ради Него! И сейчас Он благословит меня своим указующим перстом!»

Лампы в конференц-зале не были включены, поэтому в помещении царил полумрак. Через длинные узкие окна, похожие на бойницы, в зал проникал яркий солнечный свет, ложащийся на пол вытянутыми косыми четырехугольниками. Бузеев аккуратно переступал через них.

«Главное, не наступать на свет, — размышлял он. — Это может обидеть Его или даже ранить... И я не получу заветный автограф».

Подобная мысль показалась Бузееву очень важной, почти жизненно необходимой. Мягкой осторожной походкой он подошел к ступеням, ведущим на сцену и наконец осмелился поднять голову и посмотреть на сидящего за столом. Сначала Бузеев увидел только книги, точнее, небоскребы из книг, сложенные на столешнице, а за ними находился Он — худощавый пожилой мужчина с посеребренными на висках волосами, одетый в темно-синий джемпер поверх белоснежной рубашки с серым галстуком. Из-под стола торчали носки остроносых черных туфель. Мужчина смотрел Бузееву прямо в глаза. И улыбался. Бузеев не смог устоять и стал улыбаться в ответ. Он так и поднялся на сцену —

с сияющим просветленным лицом и широкой улыбкой зачарованного человека.

— Здравствуйте, — не сказал — пролепетал едва слышным шепотом Бузеев.

— Здравствуйте, Бузеев! — спокойным ровным голосом поприветствовал Он. — Рад видеть вас. Мы с вами в эти три года открыли новые блистательные миры для десятков тысяч читателей! Не правда ли?

У Бузеева перехватило дыхание от восторга, и слова застряли у него в горле. Вместо ответа он энергично закивал головой.

— Вот и замечательно! — Мужчина неувлимым движением фокусника извлек из одной из книжных башен точно такую же книгу, как у Бузеева в руках, и, продолжая улыбаться, протянул ее ему. — Ваш экземпляр. Все, что вам нужно, вложено в книгу.

Бузеев от неожиданности замешкался, увидев новехонький типографский экземпляр с отважным космическим корабликом, штурмующим мрак космоса.

— А? — начал было спрашивать он, но мужчина его мягко перебил:

— Написать автограф в вашем экземпляре?

— Да. Да! Да!! — почти в истерике прокричал Бузеев.

— С огромным удовольствием! — Мужчина принял из рук Бузеева книгу и, открыв первую страницу, стал что-то писать размашистым почерком на отвороте.

«О, чудо! Свершилось!» — У Бузеева внутри все пело и ликовало. Ему казалось, что еще немного и он взорвется от распирающего его счастья. Надо же, Он подписывал его экземпляр, а это означало только одно — впереди Бузеева ждала безграничная удача. Иного просто и не могло быть.

Подписав книгу, мужчина аккуратно закрыл ее и протянул обратно Бузееву.

— До следующей встречи, Бузеев, — произнес Он, передавая книгу. — Смотрите, не разочаруйте меня.

— Я не посмею, — с какой-то поспешной горячностью заверил Бузеев, глядя в Его добрые серые глаза. — До следующей встречи.

Бузеев в полупоклоне сделал шаг назад и, развернувшись, увидел, что у сцены в ожидании стоит девушка в темно-синем костюме и с искренней завистью смотрит на него. И не она одна. От входа в зал и до сцены выстроилась очередь, и теперь десятки жадных взглядов были обращены к Бузееву и к Нему.

«Я утер им нос!» — Бузеев посмотрел на сжатые в своих руках книги. — «Я стал победителем в этой гонке!»

Бузеев ликовал. Он быстрым шагом спустился по ступеням со сцены и направился к выходу. Люди сторонились, пропуская его и провожая сверкающими ненавидящими взглядами. Бузеев опередил их, стал злейшим врагом. Плевать! Он много лет боролся за свое счастье и считал, что заслужил его по праву. С гордо поднятой головой Бузеев пересек зал, миновал фойе и, толкнув дубовую двустворчатую дверь, вышел в пылающую осень.

Напротив Дома литераторов, через дорогу, расчерченную трамвайными путями, находился сквер с липовыми и рябиновыми аллеями и удобными деревянными скамейками. Это место было излюбленным и для писателей, и для студентов, и для пожилых парочек, и для городской шпаны, которые, как ни странно, практически никогда не пересекались. Объяснялось это явление, по-видимому, просто — для каждой из групп существовало свое время суток. Бузееву тоже нравился сквер. Сейчас, когда стрелки часов перевалили едва за полдень, он был почти пуст, за исключением нескольких мамочек, неспешно толкающих перед собой детские коляски.

Для того чтобы попасть в сквер, нужно было пройти пару сотен метров до ближайшего перекрестка, но Бузееву не хотелось терять драгоценные минуты. Он желал побыстрее окунуться в уютную тень деревьев, устроиться на окрашенной синей краской скамейке и раскрыть книги. Посмотрев по сторонам и убедившись в отсутствии патрулей ДПС, Бузеев помчался напрямик, через дорогу, к скверу, азартно лавируя между проносившимися автомобилями и оставляя позади себя гудки клаксонов и витиеватые обороты русской речи перепуганных водителей. Последним аккордом этой безрассудной гонки стала трель трамвайного сигнала, когда Бузеев проскочил перед самым его носом, перепрыгнул через узорчатый чугунный забор и укрылся под золотисто-багряными сводами сквера.

Тяжело дыша, он плюхнулся на ближайшую свободную скамейку и, не обращая внимания на недоуменные взгляды прохожих, трясущимися руками раскрыл книгу, которую ему вручил Он. Онемевшими пальцами он стал торопливо перебирать страницы. От волнения у Бузеева застрял плотный ком в горле. Он хотел резко выдохнуть воздух, собравшийся у него в легких, и не мог. Бузеев слышал стук собственного сердца, в бешеном ритме перегоняющем кровь по артериям. Голову сдавило, словно стальным обручем, а по его лицу градом катился горячий пот.

«Здесь... Она должна быть здесь! Он так сказал!» — хаотично думал Бузеев, нервно листая книгу.

То, что он искал, оказалось вложенным между шестьдесят седьмой и шестьдесят восьмой страницами книги. Бузеев ожидал увидеть это, но все равно вздрогнул, словно натолкнулся на кого-то в крошеч-

ной темноте. Его сердце замерло на один невероятно долгий миг, а затем забилося в спокойном уверенном ритме. Бузеев шумно выдохнул.

— Господи, свершилось! — восторженно прошептал он.

Действительно, свершилось. Бузеев держал в руке листок голубого цвета с водяными знаками и двуглавым орлом вверху. Под двуглавым орлом шла надпись:

«Лицензия (разрешение) на осуществление литературной деятельности. Дата выдачи: 02.09.2050 года. Срок действия — 3 года».

Чуть ниже были указаны фамилия, имя и отчество счастливого обладателя лицензии, то есть самого Бузеева.

Крепко сжимая пальцами разрешение, он облегченно рассмеялся. Боже, три года он будет свободен! Три года он сможет творить, открывать новые воображаемые миры, предлагать их различным издательствам и, самое главное, нести их читателям. Обыкновенным читателям, не таким, как Он, оставшийся в конференц-зале Дома литераторов. Да, Он был полубогом или титаном, а может, и выше... Не важно! Главное, Он был — Читателем! Он читал книги, издаваемые за предшествующие три года, и единолично решал, плохие они или хорошие, выдавать лицензию автору на последующие три года или оставить без нее. От Его решения в прямом смысле зависела судьба многих людей, посвятивших себя литературному творчеству. Руководствуясь своими вкусами, взглядами, суждениями, Он определял, какой быть литературе в стране. И что будут читать ее граждане. И уж, конечно, граждане должны были знать, что читают книги, проверенные и одобренные Читателем — непогрешимым, безусловно знающим, что такое настоящая литература.

А настоящая литература не могла создаваться без лицензии. Без Его лицензии!

Нет, Он не был цензором. Разве может быть цензура в демократическом обществе? Разумеется, нет! Цензура запрещена. Просто однажды кому-то из сильных мира сего пришла в голову мысль, что литература должна быть качественной. И определением качества литературы должны заниматься Читатели. Почему именно Они определяли качество? Так написано в законе. Кто Их назначал? Не знает никто. Да и самому Бузееву было безразлично, кто назначал (или выбирал) Читателей. Ведь его книги (его литература) были качественными! Об этом свидетельствовал голубой лист бумаги, рожденный в недрах Гознака, — своеобразный гербовый сертификат талантности автора. Бузеева это вполне устраивало. Почему бы и нет? Ведь если были и есть великие русские Писатели, почему бы не быть и великим русским Читателям? В этой огромной стране должно было всем хватать места под солнцем. Бузееву, по крайней мере, пока хватало.

Он бережно сложил лицензию вдвое и убрал в нагрудный карман пиджака. Закрыв книгу, подаренную ИМ, и раскрыв свою. На внутренней стороне обложки книги стремительным размашистым почерком было написано: «От бездарности до таланта — пропасть. От таланта до гения — один шаг. От гения до бездарности — один вздох. Вздох разочарования. Меньше вздыхайте и больше шагайте, друг мой!»

«Какое разумное замечание», — мысленно согласился Бузеев, захлопнув книгу и поднявшись со скамейки.

Он улыбнулся...

И широко зашагал по аллее, устланной опавшей листвой... **УС**